

МАКСИМ СОЛЮС,
РЕДАКТОР SOCIAL REPORT

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ Несколько лет назад я оказался в Московском зоопарке. Перемещаясь вслед за моими детьми от клетки к клетке, я обратил внимание на то, что птички и мишки проживают там в не совсем одинаковых условиях. У одних чистая среда обитания, они сыты, бодры и веселы — перелетают, ползают, бегают и так далее. Другие же неопрятны, угрюмы и малоподвижны. Скоро выяснилась такая деталь: на клетках благополучных была, как правило, табличка с названием известной компании или банка. На клетках аутсайдеров таких табличек не было. Особенно удручающе выглядел белый тигр. Он был не белый, а очень грязный. Тигр в буквальном смысле слова метался по клетке и месил при этом примерно полуметровый слой собственной грязи. Зрелище было очень угнетающее. Детей я как-то отвлек и увел. Таблички с популярным брэндом на клетке, разумеется, не было. Я наконец смекнул: животному в неволе нужен спонсор. В то время я был чуть лучше и не думал ни о какой экологической ответственности. А сейчас вижу, что с точки зрения природоохраны Московский зоопарк представляет собой модель, которую вполне можно было бы распространить и на свободную животную Россию. Каждому животному — по спонсору. И этот процесс уже идет. Вот, например, серьезные люди из крупной страховой компании озаботились судьбой снежных барсов, или ирбисов. Дело в том, что барсы имеют хорошую привычку периодически есть овец, а чабаны, которые за овец отвечают, по этой причине барсов очень не любят и убивают. Чтобы спасти вымирающий вид (барсов осталось всего немного за сотню), компания застраховала овец. И чабаны за каждую съеденную ирбисом овцу получали компенсацию (пришлось объяснить чабанам, что такое компенсация). Правда, сначала нужно было прислать фотографию останков овцы (пришлось раздать чабанам фотоаппараты и научить ими пользоваться). И доказать, что овца съедена не чабаном, а именно ирбисом (не знаю, как это устроили). Процесс идет. Люди, сами того, может, не зная, пьют пиво за здоровье амурского тигра (часть стоимости бутылки идет на его охрану), соки за зубров (то же самое) и так далее. Если каждая российская компания проявит такую же изобретательную экологическую ответственность, российская фауна непременно будет спасена.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

ПРИРОДА НЕ ТЕРПИТ ПРОСТОТЫ

Социологические опросы показывают, что экологическое движение в России пока не пользуется большой популярностью у граждан. Между тем число экологических скандалов растет, и это свидетельствует о том, что власти и бизнес потихоньку перенимают мировой опыт использования экологической аргументации в конкурентной борьбе.

ИВЕТТА ГЕРАСИМЧУК

ЗЕЛЕНЫЙ ПИАР Экологическими аргументами часто злоупотребляют не только отдельные компании, но и целые государства. Самый свежий пример связан с проектом строительства Северо-Европейского газопровода (СЕГ) по дну Балтийского моря. После того как 8 сентября 2005 года ОАО «Газпром» и немецкие концерны BASF AG и E.ON AG подписали соглашение о строительстве СЕГ, польские, а вслед за ними и литовские, латвийские и эстонские власти заявили, что проект угрожает экологии региона. Президент Польши Александр Квасьневский назвал проект СЕГ плохим с точки зрения экологии и слабым с экономической и политической точек зрения. Премьер-министр Литвы Альгирдас Бразаускас и его латвийский коллега Айгарс Калвитис, а также главы внешнеполитических ведомств Латвии и Эстонии поддержали своего соседа и партнера по расширенному Евросоюзу Квасьневского, указав, что трубопровод может потревожить захоронения химического оружия, затопленного на Балтике по решению Потсдамской конференции.

Недовольство Варшавы и ее партнеров в Вильнюсе, Риге и Таллине вполне объяснимо: Польша в этом проекте ни при чем, а следовательно, упускает денежную (доходы от прокачки газа по своей территории) и политическую (контроль над экспортом российских энергоносителей) выгоду.

Между тем специалисты указывают, что заложенные в проект СЕГ решения делают экологический риск минимальным. Тем более что в Европе успешно функционирует немало подводных газопроводов, проложенных в не менее захламленных и небезопасных акваториях. В частности, подводная часть «Голубого потока» того же «Газпрома», которая проходит по гораздо более сложному и сейсмоопасному рельефу Черного моря, практически не вызывает пререканий экологов.

Не вызывает их пока что и СЕГ. «Газ — это не нефть, его утечка менее опасна с точки зрения экологии. Кроме того, подводный газопровод в общем случае наносит меньший вред экосистеме, чем сухопутный, — ниже эффект фрагментации экосистемного покрова, — сказал Social Report директор по природоохранной политике WWF России Евгений Шварц. — В целом у российских экологов претензий к проекту пока, насколько мне известно, нет. И вовсе не потому, что это российский газ».

Характерно, что «Газпром» не отрицает наличия проблем с химоружием. «Проблема затопленного химического оружия на Балтике, безусловно, существует, — соглашается заместитель начальника отдела энергосбережения и экологии ОАО «Газпром» Станислав Маркин. — Един-

ВЫ БЫ ХОТЕЛИ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ? (%)

ИСТОЧНИК: ВЦИОМ, 23-24 ИЮЛЯ 2005 ГОДА, 1600 РЕСПОНДЕНТОВ.

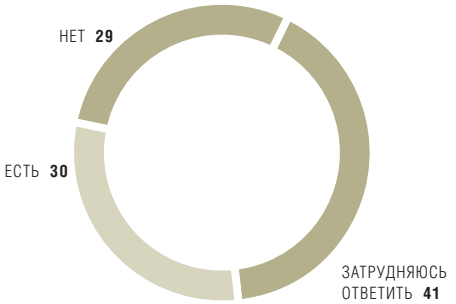
ственный разумный путь ее решения — это составление наиболее полной карты мест захоронений и ведение работ с соответствующими предосторожностями. Иностранное государство, конечно же, должны предоставить такие данные России».

В общем, власти Польши и прибалтийских государств показали себя в этой истории настоящими зелеными радикалами. Такого рода экологическая риторика используется против выгодных для России маршрутов экспорта энергоносителей не впервые.

Например, в 1994 году при выборе маршрута транспортировки каспийской нефти Турция решительно отвергла предложение России о прокладке трубопровода Баку—Новороссийск (а оттуда — танкерами в Средиземное море), сославшись на возможность аварий у своих берегов при увеличении трафика танкеров в проливах Босфор и Дарданеллы. В результате был избран поддержанный США маршрут Баку—Джейхан, который прошел через территорию Турции (и Грузии — через уникальное Боржомское ущелье, экологическое благополучие которого было таким образом поставлено под угрозу).

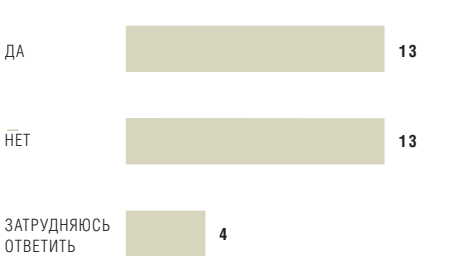
Подобным образом норвежцы многократно критиковали небезопасные технологии перевалки нефти через Мурманск, в том числе через плавучее однокорпусное нефтехранилище «Белокаменка» (принадлежит «Роснефти»). Но подсчитав возможные прибыли, в прошлом году коммуна Киркенеса объявила о собственных планах переоборудования точно такого же списанного супертанкера под нефтеперевалочный терминал уже в норвежских водах.

В приведенных выше случаях экологическая критика исходила от властей. Но это скорее исключение из правила: гораздо чаще в качестве зеленых рецензентов высту-

ЕСТЬ ЛИ В ВАШЕМ РАЙОНЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ? (%)

ИСТОЧНИК: ФОМ, 2-3 ИЮЛЯ 2005 ГОДА, 2100 РЕСПОНДЕНТОВ.

ЕСТЬ ЛИ ВАШЕМУ РЕГИОНУ ПОЛЬЗА ОТ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ? (%; ЗАЯВИВШИХ, ЧТО В ИХ РЕГИОНЕ ЕСТЬ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ)

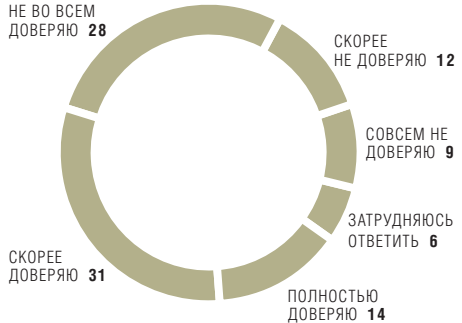
ИСТОЧНИК: ФОМ, 2-3 ИЮЛЯ 2005 ГОДА, 2100 РЕСПОНДЕНТОВ.

пают независимые организации, значительную часть которых составляют так называемые КОНГО (company organized non-governmental organizations, неправительственные организации, созданные компаниями) и ГОНГО (government organized non-governmental organizations, неправительственные организации, созданные правительством). Эти общества, действующие под экологическими лозунгами, финансируются и используются сугубо как инструмент конкурентной борьбы.

В качестве примера такой квазизеленой организации в России можно назвать «Общественную экологию». Едва ли не единственная широко известная ее акция — поддержка проекта Восточного трубопровода «Транснефти» на стадии общественных слушаний. В результате действий этой организации было дано положительное заключение общественной экспертизы проекта, хотя другие экологические организации предъявили претензии. Впоследствии против «Общественной экологии» были поданы судебные иски, поскольку она, как локальная московская организация, не имела права участвовать в экспертизе проекта, затрагивающего регионы, в которых не представлена (о карманных экологических организациях — см. стр. 35).

Наконец, в современной России есть и способы извлечения выгоды из якобы экологически неблагополучного проекта. Так, в 1999 году уральский город Карабаш, в котором действует одно из старейших и крупнейших в России медеплавильных производств, был признан экологической комиссией ООН «самым загрязненным местом на планете». Несмотря на официальные усилия, направленные на ликвидацию экологического бедствия в Карабаше, за истекшие годы в городе почти ничего не изменилось и, по мнению экспертов, не изменится, пока комбинат не закроют. Между тем в программу, рассчитанную на комплексное решение экологических проблем, за это время вложено свыше \$70 млн. В этой ситуации городским властям просто невыгодно отказываться не только от комбина-та, но и от своего антиэкологического «брэнда», означающего гарантированный приток зеленых средств.

АНТИЗЕЛЕНЫЙ ПИАР Недобросовестное использование экологических аргументов не только дискредитирует природоохранную деятельность в целом, но и ведет к формированию у многих корпоративных и государственных деятелей специфической ответной стратегии. Сводится она к поиску скрытых и явных заказчиков любой кампании против соответствующего хозяйственного решения или объекта. Эта стратегия приводит иногда к абсурдным заключениям: например, заявлениям российских

ВЫ ДОВЕРЯЕТЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ? (%)

ИСТОЧНИК: «ЛЕВАДА-ЦЕНТР», 2005 ГОД, 1000 РЕСПОНДЕНТОВ.